Предисловие

Окэмэн лежал на холме, прижавшись обнажённой грудью к раскалённой под зенитным солнцем каштановой земле. Скудная растительность, едва проглядывавшая сквозь трещины в парящей от зноя почве, казалось, вот-вот вспыхнет. Но его это совсем не беспокоило.

Он мог лежать так долго. Очень долго. За годы, прожитые в этих местах, Окэмэн привык ко всему, а бесконечные схватки закалили его мускулистое тело, не уступающее цветом земле, на которой он вырос. Цепким, холодным взглядом он всматривался куда-то в даль, туда, где в призрачном мираже таяли бесконечные прерии[1]. Он был спокоен и сосредоточен.

Наконец едва уловимая тень пробежала по его суровому, разрисованному красной краской лицу.

Идут.

Выдвигаясь две ночи назад, Окэмэн боялся, что не успеет перехватить караван в этой точке Великих Равнин[2]. Как выяснилось, зря. Его расчёты оказались верны. Теперь дело было за малым. Словно змея, он бесшумно стал сползать вниз, к ожидающим его воинам.

---

[1] *Прерия* (от *фр.* prairie – «луг», «лужайка») – североамериканская степь. – *Здесь и далее прим. авт.*

[2] *Великие Равнины* – предгорное плато в США и Канаде к востоку от Скалистых гор.

Оказавшись у подножия холма, он выпрямился во весь рост.

Ему подвели жеребца – чёрного как смоль мустанга. Окэмэн без видимых усилий запрыгнул в седло. Глаза его пылали ненавистью.

Две зимы назад «белые собаки» напали на их поселение и потехи ради убили всех, кто там находился, включая его жену и дочь. Сам Окэмэн с сыном в это время был на охоте и не смог защитить их. Не проходило и дня, чтобы он не вспоминал и не сожалел об этом.

С тех пор жажда мести глубоко поселилась в сердце воина и ожесточила его. А когда Великий вождь объединённых индейских племён Красное Облако объявил войну пришельцам из-за океана, Окэмэн возрадовался.

Пришло время расплаты.

Внимательно оглядев соплеменников, он обратился к ним с пылкой речью:

– Храбрые дети свободного народа! Пришёл наш час! Напоим эту землю кровью врагов! И пусть никто из вас не знает пощады!

Суровые бойцы с раскрашенными, как у него, лицами внимательно слушали предводителя. Каждый из них ненавидел чужеземцев и готов был идти до конца.

Окэмэн высоко поднял кулак с зажатым в нём томагавком[1].

Вслед за ним вверх, в едином порыве, взметнулись тысячи рук с ножами и луками.

Как только караван с переселенцами длинной вереницей вытянулся на равнине вдоль холма, над прериями пронёсся протяжный воинский клич, сменяющийся улюлюканьем:

[1] *Томагавк* – традиционное оружие североамериканских индейцев, напоминающее топор.

– Хайя!

Словно лавина, смуглые воины с перьями на головах и раскрашенными красной краской телами и лицами двумя потоками сошли в долину, окружая караван плотным кольцом и стреляя на скаку из луков.

Атака была стремительной и беспощадной.

Обоз застигли врасплох. Мужчины не успели даже схватиться за оружие. Многие так и остались сидеть на козлах, пригвождённые к доскам стрелами с ярким оперением. Тем, кто выжил, повезло ещё меньше: их добивали ножами и томагавками. В считаные минуты всё было кончено.

Окэмэн обратил свой взор на фургон, стоящий на противоположном конце долины. Видимо, он отбился от каравана во время пути и только чудом не угодил в его ловушку. Воин не раздумывая направил своего коня к нему.

Приблизившись на расстояние броска, он достал из-за пояса томагавк. Однако врагов не обнаружил. Повозка выглядела брошенной. Ни возничих, ни пассажиров внутри. Лишь двое запряжённых мустангов недовольно фыркали и мотали головами.

Чутьё воина, не раз спасавшее ему жизнь, подсказывало вероятную засаду. Окэмэн спрыгнул с коня и медленно, бесшумно, словно кошка, стал пробираться к фургону, держа оружие наготове.

Откинув полог, он понял, что предосторожности были излишними. Повозка действительно была пуста. Лишь мешки с мукой, ящики с инструментами и бочки с ядовитой водой, без которой совершенно не могут обходиться бледнолицые. Окэмэн уже решил было уходить, как вдруг в глубине фургона послышался шорох.

Определённо там кто-то всё-таки был.

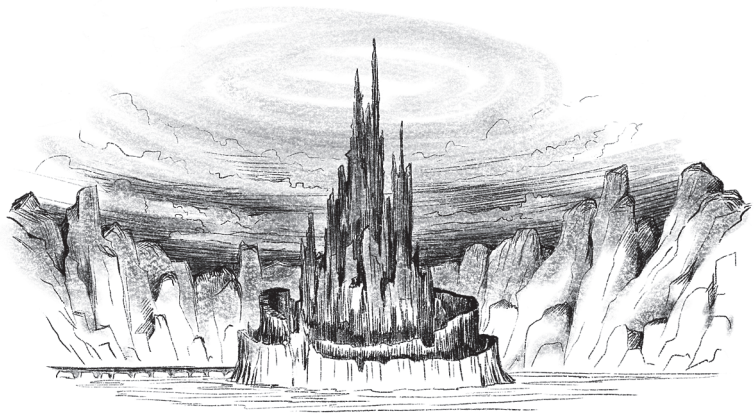
Резким движением он сорвал льняное покрывало. Вопреки ожиданиям, достойного врага там не нашлось. Лишь трое детей, не годящихся в настоящие противники.

Судя по виду, один из них был индеец, правда незнакомого ему племени. Второй — бледнолицый подросток. А третий и вовсе оказался маленькой девочкой с белокурыми волосами и большими небесно-голубыми глазами.

Окэмэн разочарованно вздохнул и занёс над головой томагавк.

ЧАСТЬ I
ЦАРСТВО МЁРТВЫХ

Глава 1
Чёртовы врата

Он стоял на самом краю обрыва, мечтательно глядя вдаль, на спокойные и безмятежные волны Понта Аксинского[1]. Копну соломенных волос слегка ворошил прохладный майский ветерок. Первые лучи рассветного южного солнца разноцветными зайчиками отскакивали от висящего на груди медальона в виде крупной золотой монеты.

Он много раз слышал об этом месте, но прежде самому бывать тут не приходилось, поэтому сейчас юноша наслаждался красотами природы, погрузившись в размышления.

[1] *Понт Аксинский* – древнегреческое название Чёрного моря, которое переводится как «Негостеприимное море».

– Мы на месте? – раздался сзади голос.

Он не отреагировал. Красоты Таврии[1] заполонили его разум.

– Гермес?! Ты меня слышишь?!

Юноша вышел из оцепенения и обернулся. Перед ним стоял темноволосый паренёк лет тринадцати.

– Чего тебе, Майкл?

– Ты уснул? Я спросил, нашёл ли ты врата?

Гермес кивнул:

– Да. Они прямо под нами.

Майкл подошёл к обрыву и осторожно глянул вниз.

Примерно в пятнадцати футах[2] под ними простиралось бескрайнее море, из которого, словно старый гнилой зуб, торчала одинокая скала. Сверху она чем-то напоминала шлем древнегреческого воина. Потоки солнечного света, попадая на поверхность из жёлтого базальта, заставляли отливать её золотом. В центре скалы виднелся аркообразный проход, что придавало ей сходство с воротами[3].

– Красиво, – тихо проговорил Майкл.

Гермес кивнул.

– Это один из множества путей в подземный мир и ближайший из тех, что был к нам. Именно через эти врата в своё время Геракл, Одиссей и Орфей[4] попадали в царство моего дядюшки.

---

[1] *Та́врией*, *Та́врикой* или *Таври́дой* в древности называли Крымский полуостров.

[2] Английский фут равен приблизительно 30 см.

[3] Речь идёт о скале Шейтан-Капу, известной также как Карадагские ворота, Золотые ворота или Чёртовы Врата, – это прибрежная скала в форме арки, имеющая вулканическое происхождение.

[4] *Геракл, Одиссей, Орфей* – герои древнегреческих мифов.

– Значит, сможем войти и мы, – твёрдо заключил Майкл. – Пойду сообщу Эйше хорошую новость.

Когда он вернулся к сестре, та, закрыв глаза, сидела на траве меж выступающих, словно кинжалы, двух острых каменных валунов. Майкл остановился чуть поодаль, чтобы ненароком не потревожить её, и тихо произнёс:

– Он нашёл их. Мы в двух шагах от цели.

Эйша открыла глаза и с улыбкой взглянула на брата. Он подошёл ближе, сел на корточки и внимательно посмотрел в её небесно-голубые глаза.

– Как думаешь, мы их найдём?

Эйша утвердительно кивнула:

– Я в этом уверена. Жизнь всегда побеждает смерть.

Майкл опустил голову, чтобы сестра не видела, как резко погрустнели его глаза.

– Вот тут разреши с тобой не согласиться. К сожалению, всё в этом мире конечно. Смерть – естественный финал любой жизни. Будь то человек или животное – итог один. Даже в природе всё умирает.

Услышав эти слова, Эйша вздохнула и вновь улыбнулась, на этот раз уже со снисходительностью к невежеству брата.

– Ты сильно ошибаешься, Майкл. Смерть – это не конец жизни, а всего лишь переход к новой. По осени деревья сбрасывают листву, но каждую весну они появляются вновь.

Майкл усмехнулся.

– Это понятно, а как быть со срубленным деревом?

– Ещё проще, – не заметив подвоха, ответила ему сестра. – Оно превращается в перегной, удобряет почву, и на этом месте появляется новая жизнь: трава, грибы, ягоды или новое дерево, это уже не так важно. Главное – его су-

ществование во Вселенной продолжается. Посмотри вокруг. — Эйша провела ладошкой по воздуху. — Видишь эти огромные застывшие куски горной породы, которые остались после извержения вулкана, произошедшего много тысячелетий назад? Кажется, что они мертвы, но это иллюзия. Внутри их по-прежнему бурлит жизнь — она прорывается на поверхность в виде мха и цветов.

Майкл не был бы Майклом, если бы тут же согласился с сестрой и перестал упрямо настаивать на своём.

— Мох — это уже не камень, так же как и ягода не дерево. И они уже никогда не будут прежними.

Грозивший затянуться надолго спор прервал их спутник:

— Странное утверждение для потомка Древних, который своими глазами видел другие миры. Во Вселенной всё циклично.

— То есть мы, словно лошади на арене, бежим по кругу? — парировал Майкл.

Посланник богов задумался.

— Эм... Я бы сказал, по спирали. Вверх или вниз. К более высокой форме или наоборот. — Гермес криво ухмыльнулся, будто о чём-то вспомнив. О чём-то малоприятном. — Конечно, есть ещё небольшой шанс вырваться из этой цепи и попасть прямиком в Хаос, тогда всеобщее Ничто поглотит тебя целиком, но, как показывает практика и тысячелетняя история, и оттуда некоторым удавалось возвращаться.

Он вновь замолчал.

— Ладно, — наконец сказал Гермес, прерывая собственные размышления. — Пройти сквозь врата мы сможем лишь при полной луне, которая явит нам свой лик ровно за три часа до полуночи. У нас есть весь день на подготовку, да и поесть не мешало бы. Майкл, разведи огонь.

– А почему бы тебе не сделать это самому?! – взбунтовался тот.

– Я король воров, а не рабов, – гордо произнёс Гермес и вновь отправился любоваться красотами природы.

С того момента, как его личность была раскрыта, с юношей произошли странные метаморфозы. Простоватого и не слишком одарённого интеллектом Германа больше не существовало. Ему на смену на свет появился заносчивый и высокомерный сын Зевса – Владыки Олимпа, что и подчёркивал Гермес при любом удобном случае. Какой толк в принадлежности к божественному семейству, если это приходится скрывать? И сейчас, когда маски были сброшены, он вдоволь кормил свою гордыню.

– Самодовольный индюк, – буркнул Майкл, когда их спутник уже удалился.

– Не обращай внимания, брат. У них в семье все такие. Хочешь, я тебе помогу?

Майкл отрицательно качнул головой:

– Не стоит, сестрёнка, отдыхай. Переход был долгим. Я справлюсь сам.

Сказав это, юный Петтерс встал и направился на поиски дров.

Когда посланник богов вернулся, костёр уже полыхал вовсю, а рядом с ним дети раскладывали свои скромные пожитки из заплечных мешков.

Подкрепившись солёным салом, квашеной капустой и мочёными яблоками – ровно тем, чем удалось разжиться по дороге, – путники устроились на отдых возле согревающего огня. Майкл и Эйша сели в обнимку с одной стороны, Гермес же растянулся на траве по другую сторону костра.

– Сейчас я бы не отказался от чаши-другой добротного хиосского чёрного[1], – мечтательно произнёс он, закрыв глаза.

– Как будет происходить переход в Аид? – задал Майкл вопрос, мучивший его уже долгое время.

– В точности этого не знает никто из живущих на земле, а те, кто осведомлён, уже ничего никому не расскажут, – неопределённо ответил их спутник.

Майкл усмехнулся.

– Как же так?! Король воров и посланник богов! Великий и неподражаемый Гермес не в курсе, как попасть к собственному дяде?!

Задетый за живое юный бог приподнялся на локте и пристально посмотрел на обидчика.

– Конечно, я знаю, где находятся входы в его царство! А также я в курсе, что нас ожидает по ту сторону врат! Но вот как будет происходить сам переход – увы! Не доводилось испытывать на себе, знаешь ли. Дальше Ахерона и Стикса[2] я не проходил.

Майкл был доволен тем, что удалось уколоть самолюбие спутника, поэтому не скрывал улыбки.

– А что будет по ту сторону врат? – неожиданно спросила Эйша.

Гермес на несколько секунд задумался, видимо стараясь максимально кратко сформулировать, но при этом передать все «прелести» царства мёртвых.

[1] Древнегреческое красное вино с острова Хиос, считавшееся одним из лучших в Элладе.

[2] *Ахерон, Стикс* – реки в царстве Аида, при пересечении которых душа попадает непосредственно в загробный мир.

– Чудес там хватает, – наконец заговорил он, – главное, помните об осторожности и держитесь меня. Демоны Аида – это вам не нимфы и сатиры моего папеньки, и даже не кракены Посейдона. Зазеваетесь – вмиг душу высосут.

– А правда, что у него на входе стоит пёс с тремя головами? – не удержался от любопытства Майкл.

Гермес опустил голову обратно на траву и закрыл глаза.

– Отдыхай, потомок Древних. Скоро сам всё увидишь.

